

Роль архитектурного наследия в десоветизации образа белорусских городов в 1991-2012 гг.

Степан Стурейко,
магистр истории, культурный антрополог

Советскость, понимаемая в контексте данной работы как комплекс норм, закрепившихся в период существования Союза Советских Социалистических Республик, имеет не только политическую либо идеологическую коннотации. Советскость самым непосредственным образом проникла буквально во все сферы жизни общества и соответственно не могла не отразиться в результатах совместной деятельности советских граждан: от мультипликации до архитектуры. Наконец, поскольку город является одной из самых сложных систем совместного действия, она не могла не найти проявления и в урбанистике.

С распадом СССР начался полный противоречий процесс изменений устоявшегося советского города. Многие градостроительные нормы, понятия, структура отношений в условиях новой политической и социальной реальности буквально изобретались заново, и оттого осмысление процесса десоветизации города представляет собой интереснейшую тему для изучения.

Целью предлагаемого исследования является выявление особенностей трансформации образа белорусского города в связи с процессом десоветизации городского пространства.

Для достижения поставленной цели необходимо:

1. Раскрыть понятие советизации/десоветизации городского пространства и определить основные составные части понятия «образ города».
2. Обозначить основные этапы постсоветской трансформации, определить, попадают ли они в рамку десоветизации.
3. Охарактеризовать изменение роли наследия в восприятии города и проанализировать направления трансформации центральной исторической части белорусских городов.

Определение понятий

Прежде всего необходимо дать определение, что будет пониматься под «десоветизацией» в рамках данной статьи. В случае с городским пространством и его образом понятие «десоветизация» — отнюдь не умозрительная абстракция либо политологический термин. Десоветизация — процесс противоположный советизации. Советский город имеет довольно детально разработанное в советской архитектурной науке определение. Новейшие исследования российских авторов позволяют ввиду образовавшейся временной дистанции более-менее беспристрастно взглянуть на феномен советского города¹.

¹ Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х — первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. Изд. 2-е, доп. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 440 с.; Каштоўнасці мінуўшчыны-2: праблемы захавання архітэктурнай спадчыны савецкага перыяду: матэрыялы канферэнцыі, Мінск, 1999. — 210 с.;

Говоря о советизации города, как о процессе, предполагается наличие некоторой исходной точки, «несоветского» города. Такими несоветскими городами являлись все города, становящиеся частью СССР в различное время. Все они постепенно начинали подвергаться социальным, культурным, экономическим и как следствие — архитектурным преобразованиям. Процесс этот тянулся короткими рывками до начала Великой Отечественной войны, после которой города восстанавливались уже в четком соответствии с разработанными к тому времени теоретическими воззрениями советского градостроительства.

Города Западной Беларуси, как и Западной Украины, и Балтийских государств, также подверглись советизации, но только значительно позже, с момента вхождения в состав СССР. Следствием этого стало, во-первых, то, что новым советским городам удалось в большей степени сохранить свое культурное и архитектурное своеобразие. Во-вторых, ускоренный, форсированный процесс трансформации в соответствии с нуждами новой власти, которому они подверглись, чтобы максимально быстро «нагнать» своих восточных соседей, наиболее рельефно выявил характерные черты советизации города.

Кратко проанализируем ее основные особенности.

В экономической и социальной сферах:

1. Установление вертикальной системы управления, на вершине которой находился Совет Министров СССР и Министерство строительства, далее — республиканские министерства, областные организации и наконец — крупные строительные организации, занимавшие практически монопольное положение (либо разделявшие строительство на отраслевые зоны ответственности) в том или ином городе.
2. Прекращение деятельности мелких фирм и локальных ремесленных объединений способствовало унификации проектных предложений и распространению типовых строительных и оформительских решений в советских городах как на региональных и республиканских, так и на общесоюзном уровнях.
3. Ликвидация частной собственности на земельные участки и объекты недвижимости обеспечила существенное облегчение централизованного планирования и увеличило скорость трансформации.
4. Сворачивание частного бизнеса и частной предпринимательской инициативы как таковой обусловило существенное уменьшение количества рекламы, магазинов, пунктов общественного питания, которые во многом формируют образ города.
5. Практически повсеместное строительство крупных промышленных предприятий² не только изменило архитектурно-пространственное восприятие города, но и спровоцировало процесс урбанизации, потребовало максимально быстрого обеспечения новых горожан жильем, для чего в свою очередь понадобилось строительство огромных районов унифицированной, простой и дешевой барачной, а позднее — крупнопанельной застройки.

В культурной сфере:

1. Установление монополии советской власти на определение ориентиров культурной жизни, что также выразилось в разработке стандартов обеспечения «культурного» досуга советских граждан, в соответствии с которыми строились театры, кинотеатры, клубы, парки, места отдыха и т.д.
2. Распространение советской идеологии выразилось в массовом переименовании улиц, насаждении советской символики, установке памятников «вождям» и отдельным историческим событиям,

Памятники в Советском Союзе. — М.: НИИТАГ, 2001. — 615 с.; Реконструкция исторической застройки в Европе во второй половине XX в. Историко-культурные проблемы. — М.: URSS, 2011. — 280 с.

² Город часто мыслился советскими теоретиками как придаток промышленного предприятия, отсюда даже закрепился термин «градообразующее предприятие».

разработке новых унифицированных музейных экспозиций, неуважительном отношении к наследию предыдущих исторических эпох, а также борьбе с религией, в т.ч. в закрытии приходов, перепрофилированию религиозных сооружений, их разрушению и т.д.

Все эти черты жизни советского города получили свое архитектурное выражение в виде городов с четко очерченным административным и культурным центром, сгруппированным вокруг большой парадной улицы (проспекта). В идеальном случае эта главная улица должна была «нанизывать» на себя вокзал и 1-2 центральные площади (как правило, они носили названия Советская и Ленина). Центральная улица являлась выражением мощи советской культуры и идеологическим символом, визитной карточкой города. Она обязательно должна была включать в себя 1-2 яркие архитектурные доминанты, кои должны были стать символами города. Вне центра город представлял собой скопление довольно мрачных однообразных жилых кварталов с минимумом социальных и культурных объектов.

После 1991 г. большинство обозначенных особенностей получили диаметрально противоположное развитие. Некоторая их часть осталась прежней, однако кардинально сменилось сущностное наполнение. В любом случае ничего из очерченного не осталось прежним, и именно этот процесс можно понимать как естественную десоветизацию города.

Также нуждается в пояснении и понятие «образ города», который в данной статье неоднократно используется. Оно также нашло отражение в теоретической литературе, авторы которой настаивают прежде всего на комплексности, многоаспектности понятия, однако сходятся на том, что образ подвержен внешним воздействиям, поддается целенаправленной трансформации³. Образом, как таковым, называют внешний вид, облик некоего объекта. Образ города поэтому представляет собой комплексное понятие, включающее восприятие внешнего вида города (архитектура и внешнее оформление) и системы отношений (от социальных до пространственно-временных), существующих в конкретном городе. Как несложно понять, формирование образа определяется, с одной стороны, фактами реальности, с другой же — особенностями личности самого воспринимающего. В рамках данной статьи будет затронута как первая, так и вторая составляющая образа.

Постсоветская трансформация городской среды: этапы и новые вызовы

Какое же развитие получил процесс десоветизации города в Беларуси, каковы его особенности здесь? Как обозначенные процессы повлияли на образ города? Для выяснения поставленных вопросов обратимся к анализу содержания ведущего архитектурного, «отраслевого» журнала Беларуси — «Архитектура и строительство» за 1991-2011 гг.

Анализ журнала «Архитектура и строительство» дает достаточно репрезентативную картину изменения облика города в Беларуси. Концепция профильного журнала практически не менялась на протяжении всех двадцати лет его существования в условиях независимости. Тематика материалов варьируется от специальных научно-технических публикаций (посвященных, скажем, особенностям легких металлоконструкций или производству строительной арматуры, а также аналитике по особенностям менеджмента строительных организаций в текущий период) до иллюстрированных материалов об архитектурном наследии и освещения дискуссий по поводу его сохранения.

Журнал в целом отражает актуальные тенденции белорусского градостроительства. Редакция стремится делать тематические номера по проблемам, стоящим на повестке дня. Также редакция не была замечена в романтизировании городского пространства, уклонах в историцизм, догматизацию и т.д. В журнале всегда,

³ Например, Линч К. Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева. — М.: Стройиздат, 1982. — 328 с.; Дмитриевская Н.Ф. Образ города как социальный феномен / Н.Ф. Дмитриевская. — СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1999. — 192 с.

в т.ч. и в выпусках последних лет присутствуют острые критические материалы, материалы дискуссионного характера (конечно в небольших объемах, но для отраслевого государственного журнала показатель дискуссионности статей достаточно высок). На его страницах за 20 лет всегда давалось слово ведущим проектировщикам, реставраторам, историкам архитектуры. Конечно, далеко не все аналитические материалы можно отнести к разряду качественных. Присутствуют и некоторые откровенно слабые, заказные, «хвалебные» тексты (в основном это статьи, подводящие результаты деятельности крупных строительных ведомств и организаций за определенный период), однако ничего лучшего в белорусской архитектурной журналистике пока что нет (хотя некоторые интернет-ресурсы в последние 2-3 года уже показывают весьма качественные ее примеры). И все же представляется, что разброс тематики и численность тематических публикаций отражает в большей мере авторские интересы белорусских специалистов, нежели редакционную политику: редакция публикует то, что приносят ей авторы.

Таким образом, журнал представляет собой хороший источник для реализации целей данного исследования. В ходе работы были проанализированы все его выпуски за 1991-2011 гг., хранящиеся в Национальной библиотеке.

Журнал запечатлел на своих страницах своеобразную летопись основных узловых моментов трансформации отечественной строительной и архитектурной отраслей. С самого начала 1990-х гг. белорусская архитектура рассматривается авторами прежде всего в общесоюзном контексте, однако, следуя веяниям времени, особенности национальной архитектуры уже обсуждаются ими как самостоятельное явление, например, в материалах «Воспоминание о будущем» (№ 6, 1991), «Региональная архитектура. Надумана ли эта проблема?» (№ 2, 1991), посвященном освещению Всесоюзного смотра-конкурса творчества молодых архитекторов, проведенного в Минске в 1991 г.

Также большое количество материалов посвящено реформированию строительной отрасли в новых хозяйственных условиях, о чем свидетельствуют «говорящие» заголовки: «Самостоятельно – значит эффективней» (№ 1, 1991), «На пороге разгосударствления и приватизации» (№ 3, 1991), «Чувствуем себя хозяевами» (№ 4, 1991), «Приватизация жилищного фонда: возможные подходы» (№ 1, 1992), «Разгосударствление в строительной отрасли» (№№ 1, 2, 1992), «Интеграция науки и строительного бизнеса» (№ 3, 1993). В 1992 г. практически в каждом номере публикуется новая республиканская нормативно-правовая документация. Как ни странно, повинувшись общей моде журнал затронул даже тему НЛО (материал «А они все вертятся» в № 3, 1992).

С 1992-1993 гг. журнал гораздо активнее занимается освещением иностранного опыта по решению конкретных практических вопросов строительства — «Крупнопанельное домостроение: финский метод» (№ 1, 1992) или материал «Для кого и как строят в Германии» (№ 1, 1993). Ссылки на европейский опыт решения конкретных хозяйственных и архитектурных вопросов с этого момента становится неотъемлемой частью большинства статей.

Что касается конкретно-прикладной тематики, журнал активно освещает вопросы дачного строительства, а также строительства жилья для переселенцев из чернобыльской зоны. Правда, учитывая начавшуюся экономическую дифференциацию граждан, с 1993 г. тема дачного строительства уступает место коттеджному. В самом деле, примерно в это время белорусские города обрастают коттеджными поселками.

Поднимаются и другие специфические темы, совершенно нехарактерные для предыдущего советского этапа развития белорусской архитектуры, свидетельствующие о появлении принципиально иных вызовов, стоящих перед специалистами: «Перспективы развития приграничных районов Беларуси и Польши» (№ 2, 1994), «Авторское право архитектора: теория и практика» (№ 3, 1994), начинают отдельно обсуждаться

архитектура банковских зданий, архитектура церквей и костелов, а также еще более интересная своими новаторскими подходами архитектура молитвенных домов, вопросы реализации жилой недвижимости и т.д. С 1996 г. более активно поднимается проблематика строительства спортивных сооружений. В 1998 году появляются темы мансардного строительства, утепления фасадов зданий.

За первые 10 лет независимости проблематика поднимаемых тем трансформировалась почти революционным образом: от того, как дешевле сделать квартирный ремонт своими силами (1991 г.), до комплексной реконструкции центральной части белорусских городов — как районных, так и областных центров, разрабатываются или корректируются генеральные планы развития (начало 2000-х гг.). К 2003 г. принимаются новые генеральные планы всех областных центров. Естественно, они включают и разделы, посвященные исторической части городов.

Можно сказать, что белорусских градостроителей в этот период «накрыла» преобразовательная волна, связанная со стремительно меняющейся городской экономической реальностью. Архитекторы стремятся к масштабным преобразованиям, охватывают своими проектами максимально большую площадь, однако в самом преобразовательном посыле и в конкретных предложениях по преобразованию есть существенные отличия от советских градостроительных установок: отказе от советской догматики, решение назревающих транспортных проблем, новые хозяйственные отношения, актуализация архитектурного наследия в общем образе города.

В 2000-е гг. все большему количеству объектов советской архитектуры присваивается статус историко-культурного наследия, советская архитектура (особенно, конечно, сталинская) осмысливается как свидетельство завершившейся эпохи. Постепенно ссылки на исторический опыт и старую архитектуру появляются во все большем количестве публикаций, даже не связанных тематически с наследием. Исторические мотивы все более ярко проявляются в новой архитектуре, как светской, так и религиозной.

2000-е гг. уже не демонстрируют такой стремительной динамики смены тематических приоритетов, скорее это время постепенного развития, акцентирования отдельных узких вопросов городского строительства. В 2003-2004 гг. поднимаются темы ночной подсветки зданий, устройства безбарьерной среды в новых и старых сооружениях, обсуждается колористика города и конкретных зданий, влияние городской рекламы на восприятие архитектурной среды. С 2004 г. и по наши дни происходит резкая актуализация вопроса строительства спортивных сооружений. Материалы, как и по другим темам, носят обобщающий и констатирующий характер, т.е. сами преобразования и строительство было произведено на протяжении предыдущих 1-2 лет. 2005-2006 гг. — активизация темы высотного строительства, современной архитектуры, стеклянных фасадов, вопросов транспортного обеспечения, ландшафтной архитектуры и т.д.

Таким образом, обобщая обнаруженное тематическое разнообразие и анализируя некоторые очевидные трансформации городской среды, не нашедшие отражения на страницах журнала, можно констатировать реальные изменения в направлении десоветизации. Так, появились частные застройщики, масса творческих мастерских, выполняющих проекты на конкурентной основе. Для развития здоровой конкурентной среды между ними устраиваются тендеры на проектирование и строительство. Появляются мелкие организации, занимающиеся разработкой дизайна помещений, возможности которых ограничены только бюджетом заказчика. Несмотря на отсутствие частной собственности на земельные участки, введена собственность на постройки, что существенным образом влияет на реализацию общегородских планов (самый яркий пример — изменение трассы ул. Уманской ввиду протестов собственников зданий, находящихся под угрозой отселения). С другой стороны, появились проблемы охраны историко-культурного наследия от действий недобросовестных инвесторов, не подчиняющихся ни законодательным, ни этическим нормам. Сегодня не политический либо социальный, а исключительно коммерческий интерес определяет появление новых и преобразование старых зданий в центральной части

города. Ввиду обилия рекламы появилась необходимость в разработке отдельных нормативов, регулирующих ее размещение. Количество мелких предприятий сферы обслуживания еще не достигло соответствующего уровня в западных странах, но уже отчетливо превосходит советские показатели. Соответственно произошло изменение структуры занятости городского населения, происходит постепенная деиндустриализация. В городах больше нет необходимости в привлечении новых рабочих рук из числа сельского населения. Вслед за этим поменялась и структура расселения горожан. Районы города постепенно дифференцируются по уровню материального достатка проживающих там граждан, а не по их профессиональной принадлежности. Также в ближайшем будущем возможно появление районов компактного расселения представителей различных этнических групп из числа мигрантов по образцу западных городов.

С точки зрения культуры, города постепенно, хотя и достаточно медленно, лишаются советской символики и памятников коммунистическим деятелям. Первая волна декоммунизации относится к началу 1990-х гг., вторая наметилась только в 2011-2012 гг. Если центральные улицы белорусских городов расстанутся с советской символикой не очень охотно, большое ее количество в «спальных» районах и на предприятиях уже безвозвратно исчезло. Очень замедлился с середины 1990-х гг., но все же продолжается процесс переименования центральных улиц. Новые улицы по преимуществу получают либо нейтральную, либо выразительную белорусскую смысловую нагрузку. Восстанавливаются памятники архитектуры, снесенные в предыдущие годы, в т.ч. весьма активно идет строительство религиозных зданий – как в центральных, так и в окраинных районах. Вот далеко не полное перечисление основных процессов, фактически изменивших внешний вид городов.

Изменения роли архитектурного наследия в восприятии города

Если в предыдущем разделе речь шла о фактических, материальных переменах, в данной части статьи будет описано изменение восприятия города, изменение его предлагаемого, транслируемого образа. Средства трансляции образа могут быть самые разнообразные — в основном это СМИ (телевизионные, печатные и электронные), кинофильмы, промо-продукция. Сообщаемая ими информация зависит, с одной стороны, от фактов объективной реальности (так, факт строительства минской ратуши не мог не воспроизводиться в новостных лентах, и теперь она постоянно попадает в кадр при съемках сюжетов любой тематики в районе пл. Свободы), с другой стороны — от желания автора послания сообщить ту или иную информацию (например, Артур Клинов целенаправленно пишет о советскости Минска, а Захар Шибек — о Минске дореволюционном), с третьей, от желания адресата сообщения. Здесь уже можно наблюдать первое проявление постсоветского периода — теперь все перечисленные трансляторы образа города в той или иной степени коммерциализированы, и оттого ориентируются на потребителя (объективно сегодняшние читатели гораздо охотнее потребляют информацию о новых ресторанах, нежели о трудовых подвигах рабочих коллективов), т.е. преобладание той или иной тематики свидетельствует помимо прочего о реальной потребности именно в такой информации, о наличии ожидания и готовности воспринимать именно такой стиль и именно такой объем сообщения. Именно поэтому, анализируя сообщения транслятора, мы одновременно анализируем и адресата.

Нижеследующий анализ проведен с применением метода, использованного Анной Павловской в статье⁴, посвященной трансформации довоенного и послевоенного образа Гродно. А. Павловская анализирует следующие аспекты образа Гродно: 1) трансформацию топографической структуры города (изменение расположения улиц и площадей), архитектуру города (основные доминанты, их внешний вид) и памятники

⁴ *Paulouskaya H.* Creating images: changes in real and virtual imaginary of Hrodna through the 20th — beginning of the 21st century: <http://harodnia.com/a112.php>

в «реальной сфере»; 2) трансформацию изображения города (основные объекты, которые представляют город в путеводителях и альбомах), архитектурные доминанты, словесные образы и характеристики города в «виртуальной сфере»; 3) отношения между «реальным» и «виртуальным» изображениями.

Ввиду обилия материала остановимся только на одном виде трансляции образа города — фотоальбомах Минска. Минск был взят как столица страны, как город, определяющий многие культурные и социальные тенденции в Беларуси. Кроме того, именно Минску посвящено наибольшее среди других городов количество фотоальбомов. Если А. Павловская рассмотрела 8 альбомов, вышедших с 1966 по 2003 г. (и этим количество альбомов по Гродно практически исчерпывается), то по Минску только за 1990-2000-е гг. выпущено более 20-ти альбомов. Интересно отметить при этом, что больше всего исторических книжек в нашей стране написано все-таки о Гродно. То есть Минск хотят не столько исследовать, сколько изображать и ввиду большого количества туристов — продавать эти изображения как гражданам страны, так и иностранцам.

Прежде всего необходимо очертить критерии отбора альбомов и путеводителей для анализа. Существуют издания, выдержанные строго в рамках фотоальбома либо только путеводителя, однако большинство изданий стремятся так или иначе совместить эти два жанра. Для анализа были выбраны прежде всего альбомы, авторы которых стремились отразить всю совокупность, всю панораму городской жизни с целью представления всего города, а не какой-либо одной области жизни минчан. Поэтому для анализа не подходили тематические альбомы, посвященные конкретным историко-культурным или иным объектам. Таких целостных альбомов оказалось не очень много — с учетом того, что некоторые альбомы переиздавались практически в неизменном виде и присутствовали на полках книжных магазинов годами, удалось насчитать чуть менее 20-ти изданий, в большей или меньшей степени соответствующих предъявляемым критериям. Очевидно, что подробный анализ содержания всех изданий требует слишком больших трудозатрат, поэтому следующим критерием отбора стала хронологическая последовательность рассматриваемых публикаций. Необходимо было как можно равномернее закрыть весь рассматриваемый период 1991-2011 гг. Это удалось отчасти. В 1991-1996 г. про Минск не было издано ни одного обзорного альбома, поэтому пришлось воспользоваться двумя, выпущенными чуть ранее и шестью, выпущенными позднее. Если для советских альбомов характерно использование в разных изданиях одних и тех же фотографий либо фотографий, сделанных с очень похожих ракурсов, то в последнее время появляется все больше авторских фотоальбомов, которые довольно тяжело оценивать из-за гиперболизированной субъективности. Один такой альбом за 2011 г. все же был включен в выборку. Всего в ходе исследования были проанализированы 8 фотоальбомов Минска, охватывающих период с 1987 по 2011 гг.

Все изображения, содержащиеся в этих альбомах, были разделены по тематическому принципу.

Первым шагом стало разделение фотографий по сферам изображаемой жизни города (см. Таблицу 1):

Таблица 1. Распределение фотографий по сферам изображаемой жизни города (в абсолютных величинах)

Год издания	Объекты наследия	Религиозные объекты	Культура, наука и образование	Рекреационные объекты (парки и набережные)	Праздничные сцены	Промышленные объекты	Объекты с военной семантикой	“Спальные” микрорайоны	Административные здания	Потребление (магазины и общественное питание)
1987 ⁵	22	3	37	25	14	32	9	17	13	10
1989 ⁶	6	2	22	19	72	3	14	20	12	3
1997 ⁷	38	14	33	17	0	4	3	23	13	7
1998 ⁸	15	8	9	6	0	7	2	1	5	2
2003 ⁹	66	29	56	31	11	0	4	13	15	4
2006 (П) ¹⁰	74	23	40	36	3	3	8	15	15	6
2006 ¹¹	41	13	80	18	19	97	15	19	24	20
2011 ¹²	34	5	14	14	6	0	4	1	7	4

Выделение сфер, в рамках которых велся подсчет, производилось с установкой на максимально широкий охват сфер жизни города. К «Объектам наследия» в данном случае были отнесены фотографии, целью которых было запечатление как советских памятников, так и объектов, которые в настоящее время можно причислить к наследию — очевидно старых зданий (даже безотносительно того, охранялись ли они государством в момент выпуска альбома). Под «Религиозными объектами» — изображенные церкви, костелы, явно религиозные сооружения, изображения священнослужителей либо религиозных праздников. Под «Культурой, наукой и образованием» — здания, ассоциирующиеся с культурной жизнью — театры, кинотеатры, концертные залы, внутренние интерьеры этих зданий, изображения людей соответствующих художественных профессий; то же самое, относящееся к науке и образованию. Отдельно были выделены «Рекреационные объекты», «Праздничные сцены» (безотносительно тематики праздников), «Промышленные объекты» (сюда относятся как изображения самих фабрик, так и их интерьеров, производственного процесса, рабочих и т.д.), «Объекты с военной семантикой» (это сами военные, военные праздники, военные монументы), «Спальные» микрорайоны (группы типовых жилых многоэтажек), «Административные здания», сцены «Потребления» (магазины, рынки, рестораны, их интерьеры). В перечень не вошел спорт, т.к. спортивная тематика хотя и присутствует в каждом альбоме, однако весьма слабо выражена.

Четыре альбома из восьми охватывают все тематическое разнообразие. Остальные четыре имеют только по одному пропуску. Это значит, что из рассмотренных альбомов действительно можно получить

⁵ Минск. Мінск. Minsk / Склад. Н.Ю. Паўловіч. — Мінск: Беларусь, 1987. — 238 с.

⁶ Минск святочны. Минск праздничны / Склад. В.М. Іваноў. — Мінск: Беларусь, 1989. — 132 с.

⁷ Минск. Минск / Склад. В.І. Анікін. — Мінск: Беларусь, 1997. — 111 с.

⁸ Запрашаем у Мінск. Приглашаем в Минск. — Минск: Полифакт, 1998. — 21 с.

⁹ Минск / Склад. С.У. Пешын. — Мінск: Беларусь, 2003. — 175 с.

¹⁰ Минск. Минск. Minsk / Склад. С.У. Пешын (3-е вид.). — Мінск: Беларусь, 2006. — 166 с.

¹¹ Регион Минск. Время действий и преобразований / Сост. М.М. Шендрик. — Минск: Международный центр интеграционной информации; Общественный пресс-центр Дома прессы, 2006. — 205 с.

¹² Минск. Город и люди / В. Качан. — Минск: Артия Групп, 2011. — 112 с.

представление о том, как минчане живут, где и как работают, где тратят заработанные деньги, как отдыхают, где гуляют и чем любят заниматься во время прогулок, какое место играют в их жизни институты власти, религии, армии.

Теперь попытаемся осмыслить полученные данные. Говорить об изменении абсолютного количества изображений того или иного типа в альбомах не имеет смысла, т.к. альбомы имеют различный объем. Гораздо продуктивнее пользоваться относительными величинами и анализировать прежде всего доли того или иного типа изображений. Для этого данные таблицы сведены в диаграмму.

В первой диаграмме будут для наглядности объединены некоторые категории. Первая группа: объединены «Объекты наследия», «Религиозные объекты» и «Культура, наука и образование». Вторая группа: объединены «Промышленные объекты», «Объекты с военной семантикой» и «Спальные микрорайоны». Результаты представлены на рисунке 1.

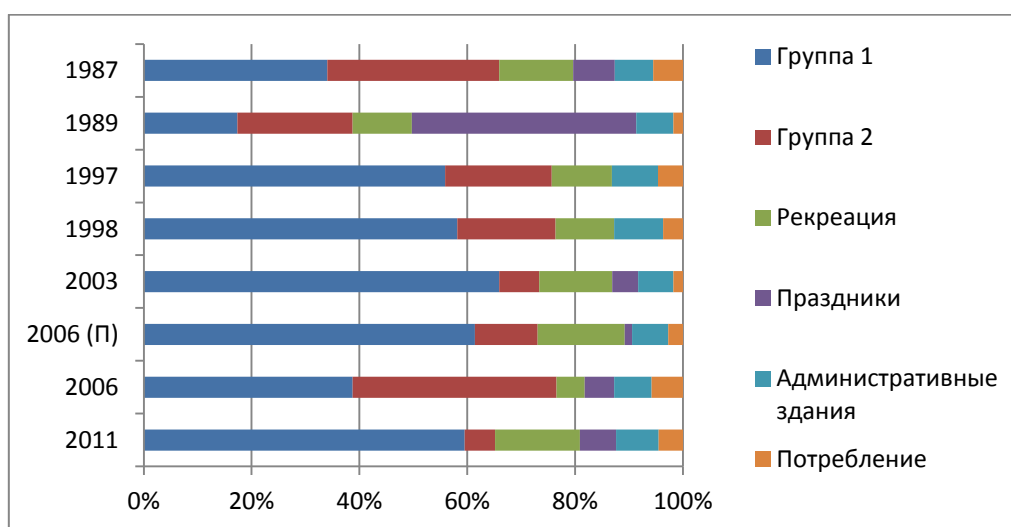

Рис. 1. Распределение фотографий по сферам изображаемой жизни города (в долях от общего количества иллюстраций в фотоальбоме)

В советское время минчане в основном «вели культурную жизнь», а затем работали и жили в панельных многоэтажках. В 1990-2000-е гг. в основном любовались на памятники, опять же вели культурную жизнь, гораздо больше времени стали отдавать религии (в начале 2000-х гг. впервые в художественных фотоальбомах появляются изображения кладбищ). Напротив, военные объекты и ветераны практически перестали их интересовать (за исключением обязательных изображений стелы на пл. Победы), что, кстати, противоречит официальной позиции по всяческой популяризации темы Великой Отечественной войны. Практически полностью перестало изображаться производство (исключением стал официальный фотоальбом 2006 г., призванный показать не столько минскую жизнь, сколько экономические достижения страны под руководством А.Г. Лукашенко, производственная тема там доминирует). Уменьшилась доля праздничных сцен (в постсоветских альбомах из обилия праздничных сцен сохранились лишь новогодние и посвященные Победе). Любопытно, что изображение административных зданий, спальных микрорайонов, рекреационных зон, а также сцен потребления на протяжении разных лет оставалось практически неизменным (за исключением редких девиаций) — судя по всему как раз эти объекты наименее подвержены смысловой трансформации.

Таким образом можно констатировать тенденцию увеличения доли наследия и религиозных объектов в репрезентации города. Можно было бы предположить, что содержание советских альбомов и соотношение в них фотоиллюстраций, раскрывающих темы наследия и производственные темы, было обусловлено идеологическим прессингом. Однако это допущение отчасти опровергается (уточняется) в

результате анализа данных, представленных в следующей таблице и соответствующей ей диаграмме, построенной на основании распределения фотографий по изображению конкретных «знаковых» столичных объектов. Эти данные будут показывать соотношение новой и старой архитектуры безотносительно той или иной культурной, административной, военной и т.д. функций. Так, в раздел «Новая архитектура» была включена половина зданий пл. Независимости, Дворец республики, некоторые театры, новые церкви и т.д. В данной таблице производится именно анализ трансформации репрезентации «старого», тенденция роста интереса к тому, что может представляться как наследие.

Для чистоты эксперимента в качестве таких знаковых объектов были выбраны архитектурные комплексы, однозначно относящиеся к наследию: Верхний город, Троицкое предместье, привокзальные Ворота города, некоторые выдающиеся сталинки (в т.ч. памятники советского конструктивизма), левая сторона пл. Независимости и пл. Победы. Результаты подсчета приведены в таблице 2.

Таблица 2. Представленность «современной архитектуры» и объектов наследия в фотоальбомах Минска (в абсолютных величинах)

Год	Общее кол-во иллюстраций	«Современная» архитектура	Верхний город	Троицкое предместье	Проспект, единичные сталинки	Пл. Независимости	Пл. Победы	Привокзальная пл.
1987	173	38	1	3	8	4	2	1
1989	160	46	0	1	8	23	2	1
1997	109	69	5	2	14	4	1	2
1998	47	4	7	1	3	2	1	2
2003	218	61	17	17	37	9	2	2
2006 (П)	166	54	14	10	29	8	1	3
2006	482	78	7	3	17	7	4	7
2011	100	7	8	1	20	1	2	1

Для удобства вновь сделаем объединение: к одной группе отнесем все достопримечательности, в другой представим «современную» архитектуру, в третьей же будут все остальные иллюстрации, помещенные в фотоальбом (рисунок 2).

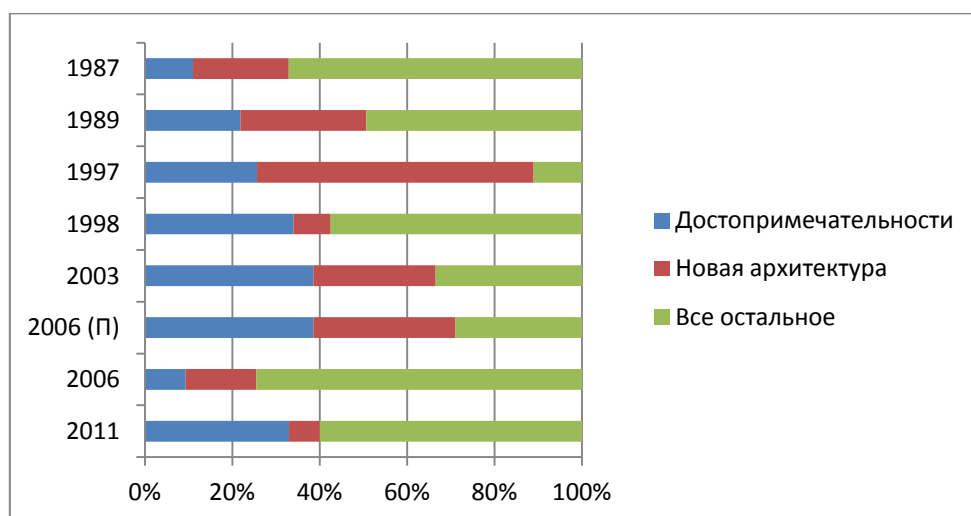

Рис. 2. Представленность «современной архитектуры» и объектов наследия в фотоальбомах Минска (в долях от общего количества иллюстраций в фотоальбоме)

На приведенной диаграмме мы можем наблюдать постепенный рост доли достопримечательностей в фотоальбомах. Происходит это в разных изданиях по-разному, то за счет «новой» архитектуры, то за счет прочего фотоматериала. Трудно представить, что советские идеологи могли запрещать показывать и фронтировать Ленинским проспектом, пл. Победы или Воротами города. Представленная диаграмма действительно показывает изменение восприятия образа города в сторону его ретроизации.

Единственное исключение – государственный пропагандистский альбом 2006 г., в котором очевидно мало внимания уделено достопримечательностям, однако данные показывают, что и архитектуры вообще в нем было показано меньше, чем где бы то ни было. Также обращает на себя внимание авторский альбом 2011 г. Большая часть его фото изображает людей в различных городских ситуациях, по ряду косвенных признаков можно догадаться, что многие из этих людей запечатлены в центре города, вблизи старых зданий, однако помимо людей никакой архитектуры на изображениях не присутствует, поэтому такие фотографии пришлось отнести в раздел «прочее». В целом конечно надо признать, что архитектура — как старая, так и новая — далека от занятия монопольного положения в репрезентации образа Минска, как это происходит в фотоальбомах западных городов. И все же ее удельный вес в годы независимости растет.

Постсоветские тенденции развития исторических центров

В заключительной части статьи будет произведена попытка определить основные особенности развития исторических центров белорусских городов. Сделано это будет вновь на основании изучения тематики (авторского интереса исследователей) публикаций журнала «Архитектура и строительство». В данном случае, имея в виду, что журнал действительно отражает актуальные проблемы, стоящие перед белорусскими архитекторами, мы будем основываться на предположении, что и публикации, посвященные наследию, имеют своим результатом реальные действия по его преобразованию (т.е. актуализации, реставрации, восстановлению и т.д.). Они являются либо материалами текущей работы архитекторов над конкретными объектами, либо частями диссертационных исследований, формирующих практические компетенции архитекторов. Для анализа были вновь просмотрены все номера журнала за 1991-2011 гг.

Прежде всего необходимо обратить внимание на постепенный рост количества публикаций, посвященных историко-культурному наследию. Этот рост отражен в следующей диаграмме (рисунок 3):

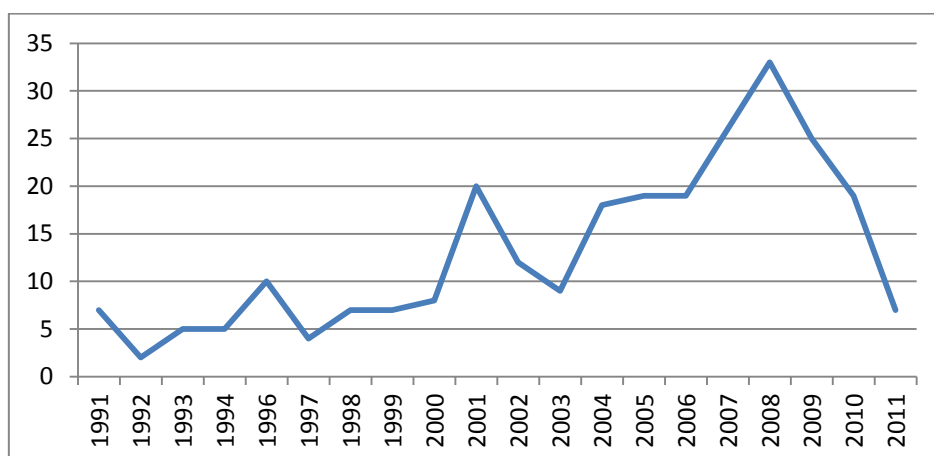

Рис. 3. Количество публикаций, посвященных историко-культурному наследию, по годам

Рост этот неравномерный, можно выделить три волны авторского интереса: 1) 1992-1996 гг. — эйфория от достижения независимости и осознание важности сохранения наследия. Небольшое абсолютное количество публикаций объясняется отчасти редкими выходами журнала и небольшим фактическим

объемом номеров. Так, в 1995 и 1997 гг. журнал вышел лишь по два раза; 2) 1997-2001 гг. — продолжение осмысления тематики; 3) 2003-2008 гг. — появление своеобразного преобразовательного азарта – время больших проектов по трансформации исторических центров, создании пешеходных улиц, активного восстановления памятников и т.д.

В настоящее время в связи с окончанием некоторых масштабных проектов наблюдается стремительное падение интереса авторов к решению проблем архитектурного наследия, что само по себе является свидетельством наступления некоторого интеллектуального кризиса среди специалистов.

Второй фокус анализа был направлен на определение соотношения характера публикаций, которые были условно разделены на 2 категории: 1) материалы, имеющие своей целью показ исключительно истории определенных объектов; 2) материалы, обсуждающие и предлагающие пути преобразования объектов. Соотношение в разные годы получилось следующим (см. рисунок 4):

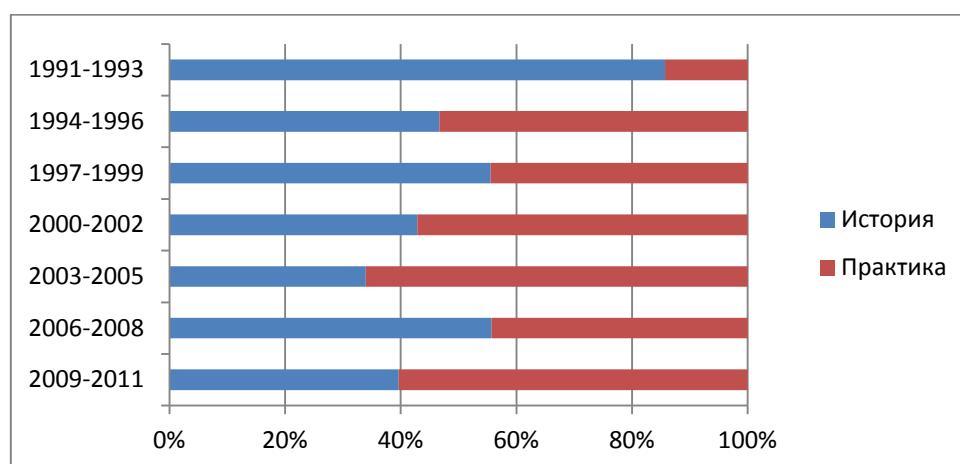

Рис. 4. Соотношение «исторических» и «практических» материалов в разные временные периоды

Как видно из диаграммы, в первые годы независимости большинство материалов, посвященных наследию, все-таки оставались преимущественно историческими либо искусствоведческими. Очень быстро соотношение меняется. Пик прикладных материалов приходится на 2003-2005 гг. — время обсуждения грядущей волны повсеместных преобразований. Последний период, хотя и характеризуется падением интереса авторов к наследию, все же демонстрирует большой процент именно прикладных публикаций. Связано это с одной стороны с продолжающейся оценкой и обсуждением уже произошедших преобразований, а также с разработкой новых проектов.

Третий фокус исследования касался географического распределения авторского интереса. На представленной диаграмме (рисунок 5) мы видим отчетливый многократный рост количества географически-определенных публикаций (в диаграмму не включались данные о публикациях, носящих обзорный, общенациональный характер).

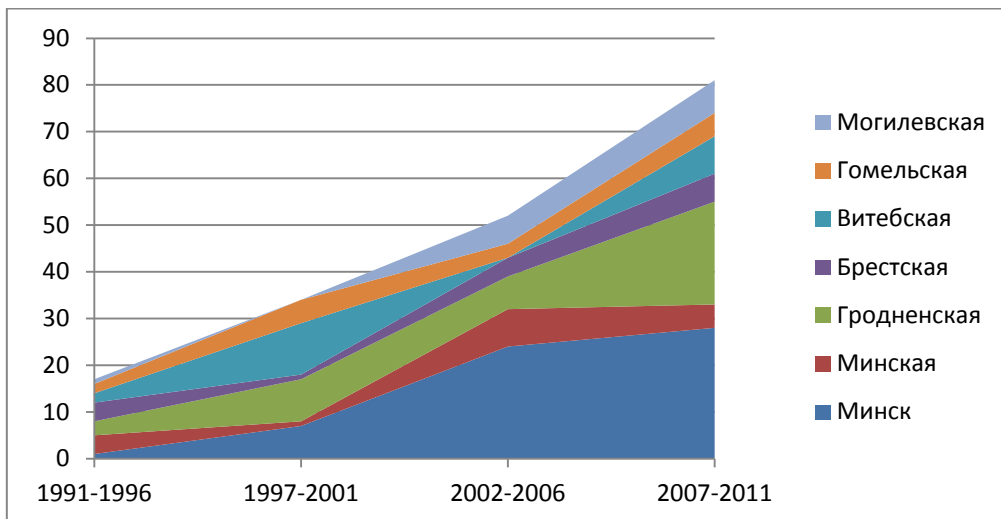

Рис. 5. Географическое распределение интересов авторов журнала

Представленная диаграмма иллюстрирует доминирование и постоянный рост в публикациях количества тем по наследию Минска, а также Гродненской области. Небольшой рост также демонстрирует Могилевская область. Количество публикаций по наследию остальных областей устойчиво невелико. Слабость интеллектуального осмысления наследия остальных регионов вселяет опасения о качестве проводимых там работ.

Данные по Минску и Гродненской области при этом удивительным образом диаметрально противоречат статистическим данным государственного списка историко-культурных ценностей, который сообщает, что именно в этих регионах находится наименьшее (!) количество охраняемых памятников в Беларуси. Наибольшее же количество наследия концентрируется как раз в Витебской и Гомельской областях. Это может свидетельствовать о неравномерном распределении исследовательских сил, но более вероятным объяснением выступает неэффективность самого института списочной охраны памятников, когда регионы их наибольшего «официального» скопления пользуются наименьшим интересом у архитекторов и реставраторов.

Четвертый фокус анализа также относится к географическому распределению тематики статей, однако здесь вопрос ставится несколько иначе, выясняется соотношение обзорных, городских и сельских объектов в предпочтениях исследователей (рисунок 6).

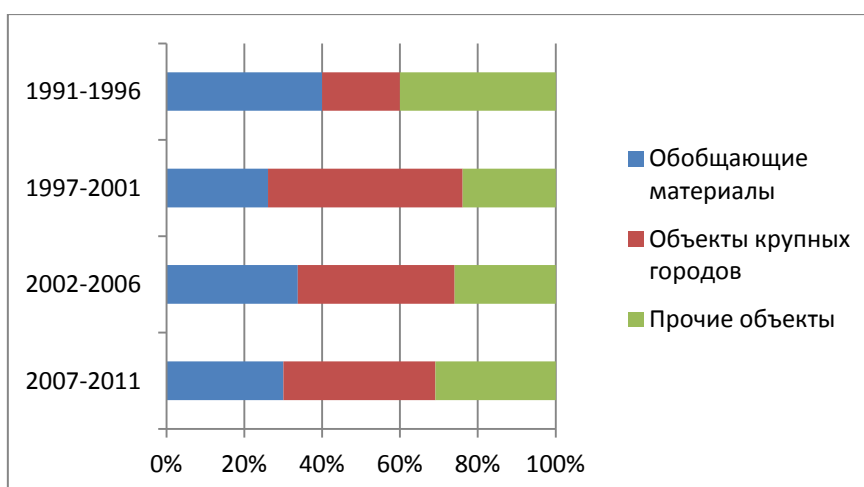

Рис. 6. Распределение тематики материалов журнала по типам населенных пунктов

Необходимо отметить, что с 1997 г. это соотношение почти не меняется. Более того, исследовательский интерес к памятникам в крупных городах и за их пределами вполне сопоставим, как и внимание к общенациональной проблематике памятников.

Наконец, последний исследовательский вопрос – о соотношении типов наследия, рассматриваемого в публикациях (рисунок 7).

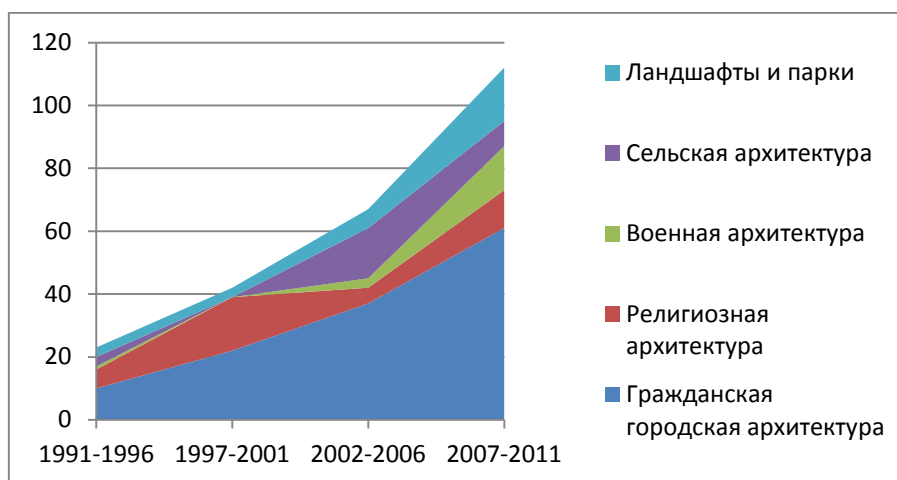

Рис. 7. Типы наследия, представленные в материалах журнала

Диаграмма показывает доминирование интереса к гражданской городской архитектуре (это объяснимо ее абсолютным количественным преобладанием в структуре белорусского наследия). Слоган о том, что «Беларусь – страна замков», нашел отражение в реальных архитектурных исследованиях только в последние годы, и пока что слабость этого интереса не позволяет говорить о качественном научном обеспечении реализации принятой программы по восстановлению белорусских замков. Довольно устойчивым в период независимости было внимание авторов к сохранению и восстановлению парков, старинных усадеб и т.д. Интерес к религиозной архитектуре можно охарактеризовать скорее как неровный.

Таким образом, если принять тезис, доказывавшийся в предыдущей части, о том, что наследие теперь в гораздо большей степени определяет образ города, можно отметить несколько проблемных зон в происходящей постсоветской трансформации исторических объектов. Сам интерес специалистов-архитекторов к решению проблем исторических центров носит волнообразный, неравномерный характер. Все еще недостаточно велико количество прикладных материалов, обсуждающих будущее, а не историю памятников (для обсуждения их истории могло бы найтись место в других специализированных исторических публикациях), по-прежнему очень неравномерно географическое распределение исследовательского интереса – наследие некоторых белорусских регионов исследуется и обсуждается явно недостаточно активно, что несет в себе угрозу его сохранению.

Выводы

Обобщая итоги проведенного исследования, можно выделить следующие процессы, попадающие в рамку десоветизации города: децентрализация строительной отрасли, усиление конкурентных и коммерческих принципов ведения проектных и строительных работ, уход от теоретических норм социалистической архитектуры, приближение большей части параметров строительства к европейской практике. Одновременно происходит постепенное стирание (либо разбавление) советской символической среды. Белорусские города по своему внешнему облику постепенно приближаются к европейским.

Коммерциализация городской среды несет с собой как очевидные плюсы, так и минусы, которые касаются прежде всего взаимодействия новых структур с наследием. Отношение к нему изменяется – его одновременно популяризируют, теоретически переосмысливают и стремятся преобразовать. Однако стремление к трансформации у нас все еще опережает рациональное осмысление процессов, происходящих с центром города и, в частности, с памятниками. Отсюда многочисленные конфликты по поводу разрушения тех или иных объектов.

Вмешательство государства также двойко. Государство вкладывает огромные материальные средства в существенное преобразование населенных пунктов, строительство спортивных и инфраструктурных объектов, регулирует проникновение в белорусские города транснациональных корпораций.

Однако в случае с формированием образа города официальная репрезентация Минска идет вразрез со сформировавшимися тенденциями ретроизации городского центра. Государственные институты охраны памятников справляются со своими функциями лишь отчасти, являясь в основном молчаливым наблюдателем естественных процессов вестернизации города. Также не удается регулировать исследовательскую активность в этой сфере, направляемую на осмысление наследия и его преобразования в отдельных белорусских регионах. Иными словами, мысли не всегда успевают за действиями.

Государство попало в достаточно парадоксальную ситуацию. Оно не отрицает каждый отдельный процесс трансформации. Однако те же самые процессы, взятые все вместе в рамках десоветизации, не находят у него поддержки. Отсутствует понимание, что залог успешности протекания продолжающихся преобразований белорусских городов как раз заключается в системном подходе деконструкции старых норм и установок. Государство не способствует десоветизации белорусского города. Напротив, государство, поощряя отдельные процессы, пытается затормозить системность, вводя дополнительные ограничения. В результате наблюдаются перекосы — например, одновременное удержание коммунистической символики совмещается с поощрением рыночных процессов. Однако реально противостоять десоветизации, которая все же является скорее суммой отдельных проявлений, нежели единым движением, ему не удастся. Чем скорее десоветизация будет принята в качестве основной концепции системной трансформации, тем более сбалансированным будет развитие белорусского города.